

*Светлой памяти
незабвенной жены моей Марии Ян
посвящается эта книга,
последняя, над которой мы вместе работали.*

В. Ян

Читатель! В этой повести будут показаны «беззаветная доблесть человека и коварное злодейство; отчаянная борьба за свободу и жестокое насилие; подлое предательство и верная дружба; будет рассказано, как безмерно страдали обитатели покоряемых стран, когда через их земли проходили железные отряды Бату-хана, которого, как щепку на гребне морской волны, пронесла лавина сотен тысяч всадников и опустила на берегу великой реки Итиль, где этот смуглый узкоглазый вождь основал могущественное царство Золотой Орды».

Из «Записок Хаджи Рахима»

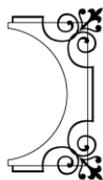
«...Итак, отправимся в далекий путь, в неведомые страны, где и завтрашний день, и сегодняшний, и послезавтрашний принесут тебе, читатель, то, чего ты еще не знаешь».

Из старинной арабской повести

Часть I

ЗАВЕЩАНИЕ ЧИНГИСХАНА

Если бы горе всегда дымилось, как огонь,
То дымом окутался бы весь мир.

Шахид из Балха, IX век

ГЛАВА I

В ХИЖИНЕ ВОСТОЧНОГО ЛЕТОПИСЦА

По узкому листу бумаги быстро водила тростинкой смуглая сухая рука. Факих¹ читал вполголоса возникавшие одна за другой строки, начертанные арабской вязью.

В хижине было тихо. Монотонному голосу факиха вторило однообразное шуршание непрерывного дождя, падавшего на камышовую крышу.

«...Расспрашивая всех знающих, я хотел узнать о завещании Чингисхана². Но несчастье обрушилось на меня. В Бухаре я был схвачен святыми имамами³.

¹ Факих — ученый, начитанный, законовед.

² Чингисхан (1155—1227) — монгольский полководец, крупнейший азиатский завоеватель и создатель империи, простиравшейся от Кореи до Черного моря. Передовые отряды войска Чингисхана под начальством Джебэ и Субудай-багатура (упоминаемого в настоящей повести) дошли до берегов Днепра, где встретились с русскими и половецкими войсками. Монголы стали отступать до Азовского моря, где близ реки Калки произошла битва (1224), в которой русско-половецкое войско было разбито. Это наступление Джебэ и Субудай-багатура было предварительной разведкой, сделанной по приказу Чингисхана, задумавшего поход на Запад для завоевания всей Европы. План Чингисхана отчасти выполнил его внук Батый, дошедший со своим войском до берегов Адриатического моря. Вторжение Чингисхана в Среднюю Азию (1220—1225) описано в первой книге настоящей трилогии.

³ Имам — мусульманское духовное лицо.

Заявив, что я великий грешник, не почитающий Аллаха, они заперли меня в гнусной, низкой железной клетке. Ползая в ней на четвереньках, как гиена, я не мог выпрямиться. Одежда на мне истлела, и я связывал концы прорех. Раз в день тюремный сторож наливал в мою деревянную плошку мутную воду, но чаще забывал об этом. Иногда он приводил скованного раба, и тот, ругаясь, скоблил крюком грязный пол моей клетки. Подходили родственники других заключенных и со страхом заглядывали ко мне — ведь я был "проклятый святыми имамами", "осужденный на гибель вечную и теперь и после смерти, где огонь будет его жилищем..."»

Факих поправил нагоревший фитиль глиняной свечки и продолжал читать:

«Однажды я заметил, что возле клетки, не боясь насмешек и проклятий, стоит девушка из презираемого кипчаками бродячего племени огнепоклонников — люли. Она положила мне горсть изюма и орехов и отбежала. На другой день она явилась снова, закутанная в длинную, до земли, черную шаль. Девушка бесшумно проскользнула вдоль тюремной стены и принесла мне лепешку и кусок дыни. Потом, ухватившись смуглыми пальцами в серебряных кольцах за прутья клетки, она долго, пристально разглядывала меня черными непроницаемыми глазами и тихо прошептала:

— Помолись за меня!

Я подумал, что она смеется, и отвернулся. Но на следующий день она снова стояла возле клетки и опять настойчиво повторяла:

— Помолись за меня, чтобы вернулся мой воин, мое счастье!

— Я не умею молиться, да и к чему? Ведь я проклят святыми имамами!

— Имамы хуже лукавого Иблиса¹. Они раздуваются от злобы и важности. Если они тебя прокляли, значит, ты праведник. Попроси милости Аллаха и для меня, и для того, кто далеко.

Я обещал исполнить ее просьбу. Девушка приходила еще несколько раз. Для ее утешения я говорил, что повторяю по ночам девятью девять раз молитвы, приносящие счастье².

Однажды девушка — ее звали Бент-Занкиджá — пришла с юношей, не знающим улыбки. У него были черные кудри до плеч, серебряное оружие и желтые высокие сапоги на острых каблуках. Он молча посмотрел на меня и повернулся к девушке:

— Да, это он... не знающий лукавства... Я помогу ему!

Мы долго глядели в глаза друг другу. Чтобы не погубить себя перед зорко смотревшим на нас тюремщиком, мы боялись признаться в том, что мы — братья... Высокий юноша был Туган — мой младший брат, которого я потерял давно и не надеялся уже увидеть!..

Глядя на девушку и словно говоря с ней, Туган сказал:

— Слушай меня, праведник, проклятый имамами, и делай, что я говорю. Я принес три черных шарика. Ты их проглотить. Тогда твой разум улетит отсюда через горы в долину прохладных потоков и благоухающих цветов. Там пасутся белые как снег кони и поют человеческими голосами золотые птицы. Там ты встретишь девушку, которую любил в шестнадцать лет.

Я прервал юношу:

¹ И б л и с — дух зла в арабской мифологии, упоминаемый в Коране.

² У многих народов Востока число «девять» считается священным и счастливым.

— А потом, проснувшись, я буду снова грызть железные прутья клетки? Мне не надо такого сна!..

— Подожди спорить, неукротимый, и слушай дальше... Пока твой разум будет наслаждаться неомрачаемым забвением в горной долине белых коней, я скажу твоим тюремщикам, что ты умер. По законам веры, твоё тело немедленно предадут земле. Рабы-кузнецы сломают клетку, подцепят тело крючьями и поволокут в яму казненных. Как бы ни было больно, не закричи и не заплачь! Иначе тебе разобьют голову железной булавой... В полночь, когда ты будешь лежать в яме среди трупов и подползут собаки и шакалы, чтобы грызть тебе ноги, я буду ждать с тремя воинами. Мы завернем тебя в плащ и быстро донесем до нашего кочевья. Мы начнем колотить в бубны и медные котлы, петь песни и призывать твой разум из долины забвения. Клянусь, жизнь вернется в твоё тело, и ты очнешься. Тогда, вскочив на коня, ты уедешь далеко, в другие страны, где начнешь новую жизнь...»

Факих очнулся и прислушался. Ему почудился шорох за тонкой стеной хижины. Несколько мгновений он оставался неподвижен, потом снова стал писать:

«Случилось так, как говорил не знающий улыбки юноша. Благодаря смелой помощи я неожиданно оказался на свободе, измученный, истощенный, но живой. Несколько дней я пробыл у огнепоклонников в песчаной степи, а затем направился к городу Сыгнаку¹, где и начал вторую жизнь...»

¹ С ы г н а к — в XIII веке богатый торговый город на Сырдарье, первоначальная столица Джучиева улуса. Теперь от него остались только безлюдные холмы, ямы и несколько развалин арок и мавзолеев, говорящих о былом богатстве Сыгнака.

ГЛАВА 2

ГОСТЬ ИЗ МРАКА

Факих Хаджи Рахим снова остановился, осторожно положил на медный поднос тростинку для письма и провел ладонью по седеющей бороде. За тонкой стеной сквозь шум равномерно падающих капель ясно слышался шорох.

«Чьи могут быть шаги во мраке этой холодной осенней ночи? Только злой человек, толкаемый недобрым умыслом, станет бродить в сыром тумане...»

Глиняный светильник на связке старых книг освещал тусклым огоньком неровные закоптелые стены, старый ковер и изможденного неподвижного ученого. Лоскут пестрой материи, закрывавший узкое окошко, слегка заколебался.

Большой белый пес, свернувшийся у двери, навострил ухо и глухо заворчал. В окно просунулась смуглая рука и приподняла край занавески. Во мраке блеснули скошенные черные глаза.

— Кто здесь? — спросил Хаджи Рахим и опустил руку на голову вскочившей собаки. — Лежи, Акбай!

— Обогрей потерявшего дорогу! Дай просушить промокшую одежду! — Незнакомец говорил едва слышным шепотом.

«Он говорит, точно боится шума... — подумал факих. — Можно ли верить ему?»

— Я вижу у тебя книги... Не ты ли учитель Хаджи Рахим?

— Ты не ошибся — это я!

— Тогда скореепусти меня! Тебе посылает саям великий визирь Мавераннагра Махмуд-Ялвач...

— Это имя откроет пришедшему дверь моей хижины, замкнутую для всех остальных.

Факих отодвинул деревянный засов, и незнакомец, нагнувшись, шагнул в дверь. Загорелый, коренастый, в одежде монгольского покроя, он выпрямился и огляделся. Хаджи Рахим, сдерживая рычащую собаку, наблюдал за пришедшим. Уверенность и властность чувствовались во всех его движениях. Он развязал пояс, снял верхнюю одежду и повесил ее на деревянный гвоздь. С трудом стащив желтые намокшие сапоги, ночной гость отбросил их в сторону и опустился на старый, истертый коврик близ потухающего очага. Затем так же спокойно, как будто у себя дома, он вытер мокрые руки об овчину лежавшей на ковре шубы.

— Надо потушить огонь! — Монгол зажал пальцами коптивший фитиль глиняной светильни. Стало совсем темно, только на месте занавески слегка засветилась прорезь окна.

— Зачем ты это сделал? — прошептал факих.

— За мною гонятся вооруженные люди, убийцы моего отца, — ответил шепотом монгол. — Они хотят прикончить и меня. Твое светящееся окно видно издали; поэтому, несмотря на темную ночь, я нашел тебя... Выгони собаку!

— Эта собака — мой единственный защитник...

— Прочь ее! Она рычит и поднимает шум на весь Сыгнак.

— Защитника не бойся!

— Собака будет ходить около дома и предупредит нас, если сюда подойдут подлые люди.

Факих, невольно повинувшись властному гостю, отворил дверь и вытолкнул лохматого пса в темноту. Хаджи Рахим остановился, колеблясь, не лучше ли убежать, но сильная рука потянула его обратно. Гость сам задвинул деревянный засов, не выпуская факиха, подвел его к коврику и вместе с ним опустился на колени. Он стал шептать

торопливо, прерывая речь и прислушиваясь, когда пес за тонкой стеной начинал ворчать:

— Не открывай засова. Они могут подскочить и будут караулить за дверью. Они предательски убили моего отца, переломив ему хребет, а я сварю их в котле живыми. Клянусь вечным синим небом, я это сделаю!.. Если ты попытаешься убежать отсюда, я тебя задушу!..

Незнакомец улегся на бок, что-то бормотал, но не выпускал руки хозяина, крепко сжимая ее горячими пальцами. Его трясла лихорадка. Вдруг он вскочил, прислушался и отошел к стене.

— Это они! — прошептал он. — Смерть меня догнала! Смотри не выдавай меня!

Снаружи донесся неистовый лай собаки. Кто-то подошел, слышались спорящие голоса. Сильный удар потряс стену.

— Эй, хозяин! Открывай дверь.

Хаджи Рахим ответил:

— Кто смеет ночью беспокоить писца окружного начальника?

— Открывай скорее, или мы в куски развалим твою берлогу! Мы ищем убежавшего преступника.

— Два дня я лежу больной, никто не пришел, чтобы разжечь очаг и согреть мне воды. Разыскивайте преступника в камышах, а не в доме мирного переписчика книг.

Грубые голоса продолжали спорить, кто-то стучал в дверь. Вдруг дикий крик, похожий на рев раненого зверя, покрыл шум. Послышались вопли и стоны. Они стали удаляться и замолкли. Хаджи Рахим хотел заговорить, но ладонь гостя зажала ему рот.

— Ты не знаешь, как они коварны, — шептал он на ухо. — Они все делают с умыслом. Одни ушли, чтобы спрятаться в засаде, а за дверью, возможно, подстерегают другие. Надо выждать и готовиться к бою.

Оба подошли к узкому окну, затаив дыхание, стараясь что-либо разглядеть во мраке ночи. Слышались невнятные шорохи, иногда сильнее шелестел по листьям мелкий дождь.

ГЛАВА 3

НЕМОЩЕН ЧЕЛОВЕК БЕЗ КОНЯ

Когда занавеска окна зарозовела от первых солнечных лучей, незнакомец натянул сапоги, осмотрел свой намокший синий чапан¹ и швырнул его в угол. Не спросив у хозяина согласия, он снял с деревянного гвоздя старый, выцветший плащ и с трудом натянул его на широкие плечи.

— Плохо мне без коня! Трудно будет ускользнуть... Быть может, выручит твой порванный плащ. Я притворюсь нищим...

Он подошел к двери и заглянул в щель. Резко отодвинулся и прижался к стене. Помедлив, сделал знак факи-ху, чтобы тот открыл дверь.

Послышался слабый стук. Хаджи Рахим отодвинул засов, и дверь распахнулась.

На пороге, в свете розовой зари, стояла, улыбаясь, девушка, почти девочка, в длинной, до пят, оранжевой рубашке, с голубыми бусами на смуглой шее. Она держала глиняный кувшин, прикрытый широким зеленым листом. На листе лежали три только что испеченные, подрумяненные лепешки.

— Ас-салям-алейкум, Хаджи Рахим! — сказала беззаботно девушка, и две веселые ямочки заиграли на ее щеках. — Мой почтенный благодетель Назар-Кязризек посылает тебе только что надоенное молоко, эти горячие лепешки и спрашивает, не нужно ли еще что-нибудь.

¹ Ч а п а н — длинная, ниже колен, верхняя одежда, кафтан.

Приняв кувшин со словами благодарности, Хаджи Рахим вышел вслед за девушкой из хижины. Кусты ежевики блестели, осыпанные каплями дождя. Старый пес Акбай сидел на дорожке, косясь налитыми кровью глазами.

На сырой траве лежал человек. Его прикрывал шерстяной серый плащ, какой носят арабы. Белый оседланный конь, привязанный на аркане, пощипывал невдалеке траву. Он нетерпеливо подымал маленькую голову с черными живыми глазами и встряхивал шелковистой гривой, отгоняя вьющихся слепней.

Факих вернулся в хижину. Ночной гость ждал у двери:

— Прощай, мой учитель Хаджи Рахим!

Факих удержал незнакомца за рукав:

— Возьми еды на дорогу!

— Неужели ты до сих пор не узнал меня? — спросил гость, пряча за пазуху горячие лепешки. — Десять лет назад ты учил меня держать калям¹ и писать трудные арабские слова. Я многое перезабыл, но два слова не забуду: «Джихан-гир» — покоритель вселенной... Скоро ты обо мне услышишь! Я пришлю за тобой...

Он остановился на пороге и с удивлением рассматривал девушку:

— Как зовут тебя? Откуда ты?

— Меня зовут Юлдуз². Я сирота, живу у Назара-Кяризека.

— Твой голос поет, как свирель. Ты будешь счастливой звездой на моем пути...

Он быстро шагнул через порог и увидел белого коня:

— Вот конь, посланный мне небом! Это будет конь моих побед, как белый Сэтэр, походный конь Чингисхана. Теперь я снова силен.

Мягкой, хищной походкой молодой монгол проскользнул по траве к белому коню, бесшумно выдержнул

¹ К а л я м — перо для письма, сделанное из тростника.

² Ю л д у з — звезда.

из земли железный прикол и, свернув кольцом аркан, легко поднялся в седло. Горячий конь бросился вскачь и скрылся за тополевой рощей.

Девушка смотрела удивленными глазами вслед незнакомцу, затем перевела блестящий взгляд на Хаджи Рахима. Тот стоял неподвижно, задумчиво положив руку на бороду.

— Это разбойник? — спросила девушка.

— Это необычайный человек!

— Почему? Ведь он похитил чужого коня?

— Он будет на нем покорять царства... Иди, звездочка Юлдуз, домой! Скажи почтенному Назару-Кяризеку, что больной факих благодарит и помнит его заботу и милость.

Девушка быстро повернулась и пробежала несколько шагов, затем степенно пошла по тропинке, стараясь держаться, как взрослая.

Серый плащ зашевелился. Старый пес, отскочив, хрипло залаял. Из-под плаща показалась голова юноши с черными вьющимися волосами. Он стремительно вскочил, поднял закрученный синий тюрбан и надвинул его на правую бровь. Это был воин, с кривой саблей и двумя кинжалами на поясе.

— Где мой конь? — закричал он и, подбежав к месту, где только что пасся белый жеребец, наклонился к земле, разглядывая следы. — Я узнаю: к коню подошел... человек в монгольских сапогах... Он украл моего боевого коня! К чему моя светлая сабля, если вор далеко!.. Без коня я немощен, как сокол с перебитыми крыльями! Какой я теперь воин! — И, схватившись за виски, юноша со стоном повалился на землю.

— Не горюй, — сказал, подходя, факих. — На твоём коне уехал человек, который даст тебе взамен тысячу кобылиц...

Юноша лежал неподвижно, а Хаджи Рахим утешал его:

— Поверь моим словам, ты ничего не потерял, а может быть, многое выиграл...

— Это был мой верный, испытанный друг!.. На нем я бросался в битву, и не раз он спасал меня от смерти. Горе воину без коня!

— Я знаю того, кто едет сейчас на твоём белом скакуне, и говорю, что твой конь к тебе вернется! Это так же верно, как то, что меня зовут факих Хаджи Рахим.

Юноша встал, резким движением подхватил с земли свой плащ и склонился перед ученым:

— Если я вижу перед собой прославленного знаниями факиха Хаджи Рахима, прозванного аль-Багдади, то я верю твоим словам. Да будут уют, простор и благодать в твоём доме! Я прошу милости и мудрого совета страннику, приехавшему из далеких гор Курдистана. Привет тебе от Джелаль эд-Дина¹, храбрейшего из героев!

— Юный брат мой! — сказал факих. — Ты прошел невредимо через пучины бедствий в страшные дни, когда потрясается вселенная, и принес мне слова приветов от далекого прославленного героя, — этим ты доставил мне двойную радость. Войди в мой скромный дом!

ГЛАВА 4

ТРОПА ЖИЗНИ ДЖИГИТА

Я привязал мою жизнь и мой век
К острию моего копья.

Поэма «Джангар»

Молодой воин вошел, пригнувшись, в узкую дверцу хижины и сел на пятки у самого входа. Хаджи Рахим опустился на старый коврик близ очага. Оба провели ладоня-

¹ Джелаль эд-Дин Менгбурны — талантливый полководец, сын последнего шаха Хорезма, всю жизнь упорно боролся с Чингисханом и монгольскими завоевателями (см. первую книгу трилогии «Чингисхан»).

ми по щекам, затем, как требует приличие, долго молчали, рассматривая друг друга.

Наконец с достоинством и грустью человека, видевшего на своем веку множество людей, факих соединил концы пальцев и сказал:

— Кто ты? Какого рода? Каким именем наградил тебя твой белобородый отец? В какой далекой стране ты впервые увидел свет солнца? Хотя ты и говоришь по-кипчакски, но движения твои и одежда показывают, что ты иноземец.

Воин, вежливо покашливая в руку, заговорил ровным, тихим голосом:

— Зовут меня Арапша, но мои боевые товарищи дали мне прозвище «Ан-Насир»¹, потому что в битве, говорят, я теряю разум, становлюсь злобным, бросаюсь в самые опасные схватки и обращаю врага в бегство... Хотя я сказал тебе, что зовут меня Арапша, но как прозвал меня мой почтенный отец и где я провел свое детство — клянусь! — я не знаю. Помню смутно, что жил я в лесу около озера, плавал с отцом в лодке и видел, как он высыпал из сетки в корзину много серебристых рыб. Помню, как тепло было лежать на руках у матери и слушать ее песни. Помню еще маленькую сестренку... Потом все это кончилось. Напали разбойники и увели меня и сестренку в большой город, где продали нас на парусный корабль. На корабле было очень много мальчиков и девочек. Корабельщики набили нас в трюм корабля и заперли вместе со стадом больших белых гусей. Гуси щипали и клевали нас. Корабль плыл по широкой реке, затем по морю. Корабельщики распродали детей на базаре. Я никогда больше ни с ними, ни с моей сестрой не встречался.

— Все это происходит из-за губительной страсти купцов к богатству. Слепленные блеском золота, жадные купцы захватили детей и бросили их в чужие города, где им

¹ А н - Н а с и р — победоносный (араб.).

придется влачить всю жизнь мучительное иго рабства! — вздохнул факих.

— Вероятно, я из какой-либо северной страны: мордвинов, саксинов или урусов, — продолжал Арапша, — потому что эти рабы, особенно урусы, славятся своей силой. А меня Аллах наградил большой крепостью. Я был продан на базаре невольников в Дербенте, где находятся кавказские Железные Ворота. Я переходил от одного хозяина к другому. Когда я подрос, меня заставляли исполнять самые трудные работы: вместе с ослом вертеть колесо для черпания воды из колодца, с колодкой на шее вскапывать засохшую, как камень, землю, таскать бревна. И небо в годы моего рабства казалось мне таким черным и сухим, как разрытая мною чужая земля!..

Хаджи Рахим с горечью сказал:

— Хозяин скорее пожалеет четвероногую скотину, чем одаренного разумом раба!

— Мне было семнадцать лет, когда тропинка моей жизни повернулась в другую сторону. Однажды я пас на склоне высокой обрывистой горы баранов моего господина, азербайджанского хана. Неожиданно над кручей показался отряд всадников. Впереди, на прекрасном вороном коне, ехал молодой воин. Вдруг размытая дождями земля осела под конем, и он покатился в пропасть. Извернувшись, как кошка, воин удержался за куст. Я бросил конец аркана и вытащил воина. Я сказал: «Я сумею спасти и твоего коня!» Витязь ответил: «Если ты спасешь моего вороного, можешь просить у меня все, что захочешь». Джигиты распустили два аркана, одним я обвязал себя вокруг пояса и сполз вниз по обрыву. Конь чудом удержался на самом краю пропасти и спокойно пощипывал траву. Злой жеребец зафыркал, когда я приблизился к нему, но я обмотал его арканом, и джигиты вытащили коня на тропинку. Мне было трудно лезть обратно, мне мешали оковы на ногах...

— Храбрый юноша! Небо хранило тебя! — воскликнул Хаджи Рахим.

— Воин стал расспрашивать меня о дороге. Я рассказал ему о всех тропах, предупредил его о местах, где обычно курды делают засады и нападают на проезжих, и посоветовал лучшую обходную дорогу. Тогда он спросил меня: «Что же ты теперь хочешь?» «Быть свободным!» — ответил я. Витязь сказал: «Следуй за мной, и ты мечом заслужишь себе славу!..» Воин оказался прославленным скитальцем Джелаль эд-Дином, который не боялся воевать с монголами и разбил их при Перване¹. С того дня я стал воином в его отряде. Джелаль эд-Дин дал мне кривую саблю и боевого коня, которого я сегодня потерял, бесстыдно заснувши! — И юноша снова застонал.

— Рассказывай дальше, конь к тебе вернется! — заметил факих.

— В тот день, когда я, свободный, на горячем коне, оказался в отряде славного Джелаль эд-Дина, я увидел, что небо надо мной не черное, а снова сияет, голубое, как бирюза, как в моем далеком детстве, когда я с отцом плывал на лодке по лесному озеру. И я понял тогда, что в мире нет ничего слаще свободы!.. Три года я всюду следовал за смелым полководцем, оберегая его в бою, и прославился как «Ан-Насир — победоносный». Джелаль эд-Дин говорил мне не раз, что он знал в поработанном монголами Хорезме одного ученого, факиха, самого светлого из светлых и доблестных людей, искателя правды, Хаджи Рахима, прозванного аль-Багдади. «Если, — сказал он, — на тебя надвинется черная туча беды, назови ему мое имя, и он протянет тебе руку милосердия...»

Хаджи Рахим встал, подошел к Арапше и протянул ему обе руки:

¹ Перван — город в северной части Афганистана, около которого Джелаль эд-Дин, начальствуя над тюркскими войсками, разбил более сильное войско монголов.

— Имя Джелаль эд-Дина сияет для меня, как яркая звезда среди темной ночи. Сядь рядом со мной!

Факих и Арапша взяли за руки, прижались плечами и затем уселись рядом на старом коврике.

— Расскажи мне теперь, мой юный друг Арапша Ан-Насир, почему ты расстался с доблестным Джелаль эд-Дином? Жив ли он? Не попал ли в руки беспощадным монголам? Ветер неожиданности часто поворачивает жизнь человека. Иногда храбрый воин, казалось бы, уже достиг вершины совершенства, но вдруг обрушивается в пропасть несчастья и возвращается к тому, с чего начал...

— Так случилось и со мной! — сказал юноша. — После неудачной для Джелаль эд-Дина стычки с отрядом монголов я с трудом спасся и едва ускользнул от плена. После этого я больше не встречался с храбрым моим покровителем, ушедшим далеко на запад. Я направился на восток горными тропами, отбил от шайки диких горцев и наконец присоединился к каравану, уходившему в Хорезм. Я горел желанием увидеть новые страны и договорился поэтому с купцами охранять их караван. В пути через пустыню на нас напали разбойники. Я обезумел от ярости, зарубил несколько грабителей и обратил в бегство остальных. Однако купцы этого не оценили. Прибыв благополучно в Хорезм, они так мало дали мне за свое спасение — да покарает их Аллах! — что я с трудом добрался сюда, в Сыгнак. Здесь я решил разыскать тебя, факел премудрости и маяк знаний, почтенный Хаджи Рахим. Когда этой ночью я подъезжал к твоему дому, я услышал в темноте, что какие-то люди ломают твою дверь. Я бросил им свой боевой клич, напал на них, ранил троих, одному отсек ухо, и грабители побежали не оглядываясь.

— Так это ты заревел, как раненый зверь?

Ученый смотрел удивленными глазами на скромно сидевшего юношу.

— Как же после этой схватки ты решаешься оставаться здесь? Ведь убежавшие были монголы; они пожалуются своему начальнику на тебя, а заодно и на меня, и он пошлет целый отряд, чтобы схватить нас обоих. Монголы придумают тебе мучительную казнь за то, что ты осмелился поднять меч против этих новых владык вселенной. Нам нужно немедленно бежать... Ты, молодой и сильный, сможешь убежать, а как убежать мне, старому и слабому?

Арапша встал и показал на плеть, висевшую на поясе:

— Вот все, что осталось от моего коня! Без коня я тоже далеко не уйду. Все же лучше выбраться подальше от этого места, чем сидеть, ожидая казни. Хотя ты и слаб, почтенный Хаджи Рахим, но, как дервиш¹, ты привык скитаться по дальним дорогам. Пойдем отсюда в степь и укроемся у кочевников. Кто сидит на месте, к тому подбирается скорпион несчастья.

— Ты говоришь, как истинный воин, — сказал факх. — Я уйду с тобой, чтобы не попасть снова в железную клетку.

Он снял со стены фонарь и тыквенную бутылку и привесил их к поясу. Вместо белого талейсана² он надвинул на голову колпак дервиша с белой повязкой паломника-хаджи. Достал длинный посох, всунул ноги в старые туфли и остановился посреди хижины.

— Я готов отправиться на конец вселенной. Я в жизни никому не сделал зла, а между тем многие годы мне приходилось скитаться, точно преступнику... Теперь снова начнется полоса скитаний... Моего старого плаща нет... Придется надеть одежду, которую оставил ночной гость...

¹ Д е р в и ш — в XIII веке бродячий нищий, член особой мусульманской общины монашеского типа.

² Т а л е й с а н — особого рода головной убор у арабов. Его носили по преимуществу ученые.

Факих поднял синий монгольский чапан:

— Никогда у меня не было такой красивой одежды с такими пуговицами из шести красных камней, похожих на драгоценные рубины... Я здесь бросаю все! Мне только жаль оставить написанную мною книгу о необычайных событиях, пережитых Хорезмом во время нашествия краснобородого Чингисхана!

— Подожди горевать! — Арапша почтительно взял руку Хаджи Рахима и провел ею по своим глазам в знак того, что с этого времени он добровольно делается его мюридом¹. — Позволь мне отныне стать твоим учеником, следовать всюду вместе с тобой и взять с собой книгу, о которой ты говоришь. Я спрячу ее в дорожную сумку.

— Ты это хорошо сказал! — Факих передал Арапше большую книгу в кожаном переплете и медную коробочку — пенал для письма. Печальным взором он окинул хижину, в которой провел несколько лет. — Теперь скорее вперед!

Оба вышли из хижины. Хаджи Рахим заложил дверь деревянным засовом.

— Акбай! Поди сюда! — крикнул он собаке. — Ты будешь сторожить наш дом. Твой хозяин едва ли сюда вернется!

Старый белый пес покорно улегся на пороге хижины и, подняв голову, недоумевая, смотрел красными глазами вслед двум путникам, быстро уходящим по тропинке, в сторону пустынной степи.

¹ Мюрид — ученик старшины дервишской общины. Выдающиеся персидские и арабские поэты (часто называвшие себя дервишами, то есть добровольно принявшими обет бедности) также имели учеников, мюридов. Арапша назвал себя мюридом из вежливости, желая услужить и прийти на помощь старику, отправляющемуся в тяжелые скитания.

ГЛАВА 5

МОНГОЛЫ СОБИРАЮТСЯ В ПОХОД

Сила и дисциплина были настолько необыкновенны в явившемся в нашу страну татарском войске, что, казалось, оно могло покорить весь мир.

Китайский летописец XIII века

Давно, со времен монгольского нашествия¹, мирный город Сыгнак не видел в своих узких переулках столько верблюжьих караванов, столько скачущих во все стороны всадников и торопливо шагающих жителей. Все спешили узнать, насколько верны прилетевшие из степи слухи о великом походе на Запад, задуманном монголами.

Волновавшаяся толпа сразу замолкала и расступалась, когда из переулков выезжали группы монгольских воинов, безбородых, похожих на угрюмых старых женщин. С неподвижными, смуглыми от загара и грязи лицами монголы ехали на небольших, злых, храпевших конях, не сдерживая их перед толпой. Они били наотмашь в обе стороны плетями, стегая по головам зазевавшихся.

Все они направлялись на главную базарную площадь. Там за высокой аркой из цветных изразцов находился дворец правителя области, знатного внука Чингисова, Тангут-хана. Монголы располагались на площади отдельными кругами, привязав к поясу поводья своих коней. Они тут же разводили костры, для чего выламывали ворота, калитки и рубили деревья ближайших садов. Они входили, невозмутимые и гордые, в дома горожан, забирали хлеб и все, что попадалось под руку. Усевшись вокруг костров, они ели похлебку из мяса с жареным просом, вскипяченную в котлах и приправленную салом и молоком.

¹ Монголо-татарское нашествие Чингисхана на Среднюю Азию было в 1220—1225 годах и привело к полному ее порабощению монголами.

Это были передовые тургауды¹ одиннадцати монгольских царевичей, прибывших в Сыгнак из своих далеких восточных кочевий. Главное монголо-татарское войско² спешно шло за ними следом. Его ждали со дня на день.

Население Сыгнака трепетало перед монгольскими воинами и безмолвно отдавало им все, на что они устремляли свои раскосые глаза. Все еще слишком хорошо помнили бывшее пятнадцать лет тому назад вторжение страшного Чингисхана. Вся страна была в пламени горящих городов и селений, толпы обезумевших жителей бежали по дорогам. Монгольские воины избивали мирное население, угоняли ремесленников в рабство в далекую Монголию, а женщин и детей делили между собой, как законную добычу, как двуногую скотину.

Но резня затихла, монгольские отряды ушли обратно на восток. Жители, прятавшиеся в горах и болотах, постепенно возвратились к своим разрушенным хижинам. Они снова раскопали засохшие оросительные канавки, выстроили из жердей и глины мазанки. Богатые купцы стали служить у монголов сборщиками налогов. Они вскоре построили себе нарядные дома и развели новые фруктовые сады. Высокомерные длиннородые имамы вычистили загаженные монголами мечети. На высоких минаретах звонкоголосые азанчи³ снова пять раз в сутки стали заливаться певучими голосами, призывая право-

¹ Тургауды — телохранители.

² «Монголы» и «татары» — в то время название не двух разных народов, а два названия одного и того же народа. Только значительно позднее название «татары» стало применяться исключительно к тюркским народностям Восточной Европы. Чингисхан был из сравнительно небольшого племени, жившего по рекам Онону и Керулену и носившего название «монголы». После своего возвышения Чингисхан повелел называть «монголами» все подчиненные ему татарские племена Центральной Азии.

³ Азанчи, или муэдзин, — помощник имама, настоятеля мечети, читающий нараспев с верхушки специальной башенки молитву (азан).

верных мусульман к усердной молитве. По-прежнему недостаточно богомольных, не поспешивших на их зов, особые надзиратели избивали плетьюми.

Когда в Сыгнаке внезапно появились¹ монгольские царевичи с передовыми конными отрядами, население города перепугалось. Правитель области, Тангкут-хан, разослал джигитов ко всем окрестным ханам, срочно требуя баранов, жеребят, кумыса и прочей еды для угощения знатных потомков завоевателя Азии — Чингисхана. Население поставило несколько тысяч юрт вдоль берега реки Сейхун² для размещения прибывающих с востока свирепых победителей.

ГЛАВА 6

НЕПОБЕДИМЫЙ ПОЛКОВОДЕЦ

Тумен Субудай-багатура³ примчался к Сыгнаку в туче пыли, покрывшей все небо. Впереди скакала сотня разведчиков на рыжих поджарых конях. За ними следовала сотня на молочно-белых конях. Далее ехал великий монгольский полководец, не знавший поражений, одноглазый Субудай-багатур. Велика была слава его: он победил кипчаков и урусотов⁴ в битве при реке Калке⁵, он разрушил три китайских столицы. Он покорил двадцать народов.

Субудай сидел, согнувшись, на саврасом коне с длинным, до земли, черным хвостом. Равномерно покачиваясь из стороны в сторону, конь бежал быстрой иноходью.

Еще юношей Субудай-багатур был ранен в руку, меч рассек ему мышцы, и с тех пор правая рука всегда была

¹ Весной 1237 года.

² Сейхун — Сырдарья.

³ Тумен — отдельный корпус в 10 тысяч всадников. Субудай-багатур — крупнейший полководец Чингисхана.

⁴ Урус, орос, урусут — так монголы называли русских.

⁵ В 1224 году.

согнута. Другой удар поразил его лицо. Правый глаз вытек, рубец шел через бровь и щеку, а левый, широко открытый, сверлящим взглядом проникал, казалось, в тайные помыслы людей. Воины называли его «барсом с разрубленной лапой». «Как раненый барс, вырвавшийся из капкана, Субудай угадывает опасность и раскрывает хитрые уловки. С ним в беду не попадешь!» Сам Чингисхан поручил Субудай-багатуру быть воспитателем и военным советником молодого внука, Бату-хана, продолжателя завоеваний деда.

На большой дороге за городом, под высоким тенистым карагачем¹, монголов поджидала депутация знатнейших горожан Сыгнака — длиннобородые имамы, кадий² и богатейшие купцы. Они приготовили на серебряных подносах угощение и дорогие подарки — свертки шелковой ткани. Кругом теснилась тысячная толпа любопытных. Депутация хотела пригласить прославленного полководца отдохнуть в новом роскошном доме разбогатевшего купца, где имелся и персиковый сад, и бассейн среди кустов цветущих роз, и баня с мраморными лежанками.

Когда промчались передовые сотни и Субудай-багатур поравнялся с депутацией, имам выступил вперед и начал изысканную речь:

— О величайший из великих! Храбрейший из храбрых!

Субудай круто повернул коня, не взглянув ни на парчовые и бархатные халаты знатных стариков, ни на подносы с шелком, сладостями и золотистыми дынями. Послушный конь мерной иноходью помчал его на север, прочь от города, в пустынную степь.

¹ Карагач — высокое извилистое дерево, очень тенистое, из рода вязов, весьма распространенное в Средней Азии.

² Кадий, кади — судья.

Субудая с трудом догнали на взмыленных конях векиль¹ и несколько знатных ханов. Задыхаясь, они кричали наперебой:

— Постой!.. Не торопись!.. Гуюк-хан² и правитель области, Тангкут-хан, приказывают прибыть во дворец для важного совещания...

Субудай-багатур утвердительно покачивал головой, слушая приглашение, но иноходец его продолжал бежать по степи так же равномерно, не убавляя шага. Наконец Субудай прохрипел:

— Багатур не поедет!.. Багатур должен кормить золотого петуха.

Субудай-багатур тряхнул поводом, и саврасый, закусив удила, понесся вперед. Растянувшийся по степи отряд монголов поскакал во весь дух, быстро удаляясь от Сыгнака.

В открытой степи, близ реки Сейхун, тумен остановился и, широко рассыпавшись вдоль берега, разбил шумный лагерь. Высокие желтые верблюды уже накануне привезли сюда разборные юрты. Рабы натаскали сухого камыша, развели костры и варили в медных китайских котлах рис и жеребятину, ожидая прибытия грозного вождя.

Субудай-багатур сошел с коня около приготовленной для него юрты с высокой пикой, увенчанной рогами буйвола и конскими хвостами. Дверь юрты, завешенная ковром, охранялась двумя угрюмыми часовыми. Тут же на привязи визжали от нетерпения, чувствуя запах вареного мяса, два рыжих монгольских волкодава.

Багатур вошел в юрту. Посредине тлели угли, на которых шипел китайский бронзовый котел с мясной похлебкой.

¹ Векиль — смотритель дворца правителя области.

² Гуюк-хан — внук Чингисхана и наследник монгольского престола.

Хмурый старый раб с длинными, до плеч, седыми космами и большой медной серьгой в левом ухе, зазвенев цепью на ногах, подал синюю чашку. Здоровой рукой Субудай-багатур взял из нее горсть проса. Дремавший, нахохлившись, у решетчатой стенки золотистый петух с пышным хвостом встал, важно сделал несколько шагов и остановился. Он был привязан за ногу тонкой серебряной цепочкой.

Субудай-багатур насыпал перед петухом кучку проса. Птица, наклонив голову набок, стояла, точно прислушиваясь. Потом стала лениво клевать, разбрасывая зерна. Субудай, тоже наклонив голову, наблюдал, как петух выбирал зернышки, и ждал, пока его любимец не захлопал крыльями и не прокричал свой сигнальный призыв.

В разных концах лагеря откликнулось несколько петухов.

— Маленькая птица, а подымает целое войско!¹ — сказал Субудай-багатур и, согнувшись, хромя, прошел на кошму позади костра, где были разостланы пушистые собачьи шкуры.

ГЛАВА 7

ИМАМЫ В ЗАТРУДНЕНИИ

К высоким воротам дома правителя области Тангкутхана подошли два важных старика в красных полосатых шелковых халатах. Один держал на ладони румяное яблоко, другой — пышную белую розу. Эти подарки они несли с такой торжественностью, точно в их руках были

¹ В те времена вожак караванов или вожди отрядов и т. п., отправляясь в дальний путь, брали с собой петухов, которые криками будили их в определенное время, заменяя отчасти современные часы.

стеклянные чаши, до краев наполненные драгоценным напитком.

Вслед за стариками, для большего почета, плелись с тоскливо скучающими лицами двадцать тощих и голодных учеников. Белоснежные тюрбаны обоих стариков, их длинные выхоленные бороды, озабоченность и важность их лиц — все указывало, что они принадлежали к разряду священных имамов или ишанов¹, посредников между обыкновенными грешными людьми и восседающим за облаками на хрустальных небесах всемогущим Аллахом.

Дозорным у ворот было запрещено впускать в сад кого бы то ни было. Имамы попросили вызвать к ним главного векиля. Долго пришлось ждать, пока он явился, озабоченный и взволнованный. Его тюрбан сдвинулся на затылок, и векиль поминутно стряхивал пальцами пот со лба. Увидев пришедших, векиль извинился, что заставил долго ждать почтенных слугителей Бога.

— Тангкут-хан приказал мне исполнять без возражений все желания монгольских царевичей. А каждый царевич приехал во дворец со своими конями, соколами, борзыми собаками и слугами. Всем надо найти место, всех накормить, легко ли это? Зачем вы пожаловали, святые отцы?

Старейший имам сказал:

— Со дня приезда в Сыгнак знатных царевичей мы должны произносить их имена в наших молитвах. Мы слышали, что готовится великий поход против неверных, — да покарает их Аллах! Мы должны молиться Аллаху — да будет его имя вознесено и прославлено! — чтобы поход был удачен, чтобы все царевичи процветали и покрылись блеском славных подвигов!

Векиль вздохнул:

¹ И ш а н — глава мусульманской религиозной общины, которому невежественное население приписывало чудесную силу.

— Всего приехало одиннадцать царевичей¹, но самый главный и самый беспокойный из них — хан Гуюк, сын великого кагана и наследник всего монгольского царства. Он приказывает сперва одно, потом другое, рассылает гонцов, кричит, топает ногами и костяной лопаточкой бьет по щекам каждого, кто ему не угодит... А больше всего он пугает. Говорят, что он будет главным начальником войск. Разве крикливый гусь может повелевать соколами?

— Да сохранил нас Аллах от этого! — воскликнули старики. — А мы слышали, что во главе войск будет молодой хан Бату, сын погибшего Джучи-хана — да будет благословен и спит в мире прах его! Верно ли это?

— Один Аллах все знает!.. — ответил векиль шепотом. — Говорят, Гуюк-хан и Бату-хан готовы уже сейчас вырвать друг у друга глаза.

— О, какие времена!

— Бату-хан примчался в этот дворец, к своему брату Тангкут-хану, только с пятью всадниками. Но тот нисколько не обрадовался его приезду. Оба брата стали спорить, глаза их налились кровью. Бату-хан кричал: «Все крайние западные области Священным Воителем Чингисханом были завещаны мне. Только из-за моей юности и моего отъезда в Китай на войну ты, Тангкут-

¹ Для участия в великом походе на Запад приехало одиннадцать царевичей-чингиситов. Они принадлежали к пяти линиям династии Чингисхана: 1) сыновья его умершего старшего сына Джучи — ханы Бату, Урду, Шейбани (впоследствии прославленный как полководец) и Тангкут; 2) сын Джагатая, второго сына Чингисхана, — Хайдар и внук — Бури; 3) сыновья царствовавшего в то время великого кагана Угедэя — Гуюк (впоследствии недолго бывший великим каганом) и Кадан; 4) сыновья Тули-хана, четвертого сына Чингисхана, — Буджек и Менгу (друг Батыя, впоследствии ставший при помощи Батыя великим каганом) и, наконец, 5) последний сын Чингисхана — Кюлькан (впоследствии убитый в сражении с русскими под Коломной). Все эти царевичи рассчитывали стать правителями новых земель, завоеванных в походе.

хан, управлял здесь... Теперь я сам хочу править моим улусом...» Тангкут-хан отвечал: «Тебя здесь не было десять лет... Твои следы разметал ветер. Теперь я здесь владыка... Отправляйся обратно в Китай!» И Тангкут-хан стал сзывать своих нукеров¹. Бату-хан закричал: «Ты кричишь, как гусь, а сам дрожишь, как лягушка на болотной кочке. Ты не хочешь уступить добровольно, так станешь моим слугой!» Уже нукеры сбегались со всех сторон с обнаженными мечами. Бату-хан бросился к выходу, вскочил на коня и умчался неизвестно куда...

Имамы воскликнули:

— За кого же нам молиться? Кто из этих двух ханов окажется главным?

— Что могу сказать я, маленькая мошка! — воскликнул векиль и скрылся за воротами.

Оба имама покачали головами, спрятали розу и яблоко за пазуху и, приложив палец к губам, молча посмотрели друг на друга.

— Благоразумие требует подождать и ни за кого из них не молиться! — сказал один имам.

— Это неосторожно.

Споря о благоразумии и осторожности, оба имама направились обратно.

ГЛАВА 8

ЛОПАТКА ГУЮК-ХАНА

Внук Чингисхана Гуюк-хан — сын и наследник великого кагана всех монголов Угедэя — внезапно покинул дворец правителя Сыгнака и поставил свой ма-

¹ Нукер — то же, что дружинник у древних русских князей. Нукеры составляли личную дружину и охрану монгольского хана-феодала, исполняли, если нужно, всякие служебные обязанности: подавали коня, открывали дверь при входе хана и т. п. Они находились на полном иждивении хана и в дальнейшем становились его помощниками и начальниками отдельных отрядов, созданных из простых кочевников, призванных на войну.

линовый шатер вдали от города, на холме в степи. Из шатра открывался вид на долину, куда беспрерывно прибывали войска¹, которые располагались отдельными куренями².

Вокруг шатра Гуюк-хана тесным кольцом стояло множество юрт. В них помещалась его охрана: молодые, отборные телохранители, тургауды, из знатных семейств степных феодалов. В кольце юрт стояли ханские кони. Их тщательно оберегали и так завертывали в попоны, что были видны только хвосты и уши. Это были редкие, драгоценные кони, которыми любил щеголять Гуюк-хан во время облавных охот, когда от коней требуются особая быстрота и ловкость.

Стараясь во всем подражать пышным порядкам, установленным его дедом Чингисханом, Гуюк поставил возле своего шатра высокое древко с черным пятиугольным знаменем, на котором золотыми нитками был вышит всадник с зверским лицом — бог войны Сульдэ, свирепый покровитель монгольских походов.

По уверениям шаманов, бог Сульдэ незримо сопровождал в походах Чингисхана и приносил ему потрясающие вселенную победы. Для этого бога за Чингисханом всюду следовал никогда не знавший седла молочно-белый жеребец с черными глазами. Внук Чингисхана Гуюк-хан также держал около шатра неоседланного белого жеребца, за которым неотступно ухаживали два шамана.

¹ Согласно восточным летописям, в этом походе на Запад участвовало около 4 тысяч коренных монголов (гвардия) и около 30 тысяч татар. Монголы и татары были основным ядром войска, к которому примкнуло около 200—300 тысяч разноплеменных конных воинов, присоединившихся по мере движения войска. Особенно много было кипчаков. Под этим общим именем надо понимать, по-видимому, предков казахов, киргизов и других кочевых племен тюркского корня.

² Курень — монгольское слово (кюриен), потом проникшее в русский язык (у запорожских казаков и др.). Означает: стойбище в виде кольца юрт с юртой начальника в центре круга.

Перед малиновым шатром горели два неугасаемых костра. Шаманы, увешанные погремушками, с войлочными куклами на поясе, ходили, приплясывая, вокруг огня и похлопывали в большие бубны.

Четыре монгола медленно поднялись на холм. Они шли, наклонившись вперед, широко расставляя кривые ноги, держа стрелу за спиной. Подойдя к кострам, они покорно предоставили себя шаманам. Выкрикивая молитвы, шаманы обкурили их священным дымом — чтобы вместе с дымом улетели злые желания и преступные мысли. У входа в шатер два тургауда скрестили копья и, присев, наблюдали, чтобы входившие осторожно приподымали стрелой занавеску и не касались ногой порога, — это могло вызвать великий гнев неба: заоблачный грозный бог поразил бы тогда хозяина шатра сверкающей молнией и ударами грома.

Четыре воина поочередно переступили через скрещенные копья. Они повалились на колени и коснулись подбородками разостланного белого войлока.

— Будь славен, победоносен и многолетен, великий! — воскликнули они.

— Ближе ко мне! — послышался ответ.

Воины на коленях проползли вперед и выпрямились.

На низком широком троне, украшенном узорами из золота и кости, сидел, подобрав ноги, пухлый, с большим животом юноша. На его оранжевой шапке трепетал пучок белых пушистых перьев священной цапли — знак царевича из рода Чингисхана. Юноша был в затканной золотыми драконами малиновой шелковой безрукавке, в красных сафьяновых туфлях на высоких изогнутых каблуках. Рядом на троне лежали: справа — знак власти, металлическая с золотой насечкой булава, слева — длинная лопатка из бивня слона.

Хан Гуюк всматривался узкими глазами в лица четырех монголов.

— Вы опять пришли с голыми, как у гуся, лапами? Где же его пояс? Где его шапка? Где его рубиновые пуговицы?..

Хан схватил костяную лопатку и стал колотить монголов по щекам. Они стояли с каменными лицами, неподвижные и коренастые; казалось, при каждом ударе головы их уходили глубже в широкие плечи.

— Прости нас, владыка мира! — воскликнули они хором и снова повалились лицом на войлок.

— Говори ты первый, Мункэ-Сал¹. Ты самый разумный из всех.

— Сейчас расскажу, мой хан! Мы узнали, что протянувший руку к далекой звезде Бату-хан, покинув Субудай-багатура, поскакал в Сыгнал с пятью нукерами...

— Он поссорился с Субудай-багатуром?

— Этого я не слышал...

— Вот когда нельзя было зевать! Почему вы не захватили его?

— Он примчался прямо к брату, Тангкут-хану, во дворец. Они оба громко спорили, они ужасно кричали. Тангкут-хан стал звать нукеров: «Убейте его!» Бату-хан выбежал, проклиная брата, вскочил на коня и ускакал...

— Вы проследили его? Где он?

Монголы снова повалились лицом на войлок.

— Вы не воины! Вы желтые дураки, пожравшие мясо своего покойного отца! — завизжал Гуюк-хан. — Вы хромые козлы!.

Недоверчиво озираясь, он продолжал злобным шепотом:

— Скачите вокруг города! Ищите моего ненавистного врага! Он в синем чапане с шестью рубиновыми пуговицами... Если вы задушите его, то будете сотниками!.. Будете тысячниками!.. Если же снова вернетесь с пустыми руками, если этот хвастун станет вождем — джихан-

¹ Мункэ-Сал — вечный и умный.

гиром, то вам не миновать смерти! Палачи отрежут вам уши и переломают хребты! Запомните это! Торопитесь!

Монгольские воины попятились и выползли за черную дверную занавеску, расшитую серебряными аистами.

ГЛАВА 9

ХРАБРЫЙ НАЗАР-КЯРИЗЕК

Старый Назар-Кяризек, полный тревоги, вернулся в свою юрту с базара в Сыгнаке.

— Эти новости вызывают дрожь! — бурчал он себе под нос. — Отправлюсь к моему хану Баяндеру, проверю, правильно ли все, что я слышал.

Назар стал торопливо одеваться.

— Надо успеть, пока не увидела Кыз-Тугмаз! Опять начнет ворчать, что я не работаю, без дела шатаюсь... Все жены ворчат. Побью ее. Я хозяин!..

Он натянул на себя черный чапан. Так как чапан от ветхости расползался, Назар надел сверху длинную козлиную шубу, подпоясался сыромятным ремнем, вытащил из мешка желтые покоробившиеся сапоги с острыми каблуками — эти сапоги надевал, отправляясь в набег, еще отец Назара, — на голову нахлобучил овчинный малахай с наушниками и засунул за пояс плеть. Назар оглядел себя:

— Теперь я могу предстать перед очами грозного хана Баяндера!.. Нельзя откладывать такого важного дела...

Турган, младший сын Назара, прибежал из степи, где он с другими мальчиками пас аульных жеребят. Турган в удивлении широко раскрыл рот: «Что такое? Отец в козлиной шубе? В такую жару! Что он надумал?» «Прикажи мне идти с тобой!» — уже готово было сорваться с уст мальчика, но Турган побоялся испортить дело. Сжавшись, он притаился около входа и посматривал блестящими, как у зверька, глазами, следя за каждым движе-

нием отца. Рядом с ним опустилась на колени Юлдуз, девушка-сирота, которую во время нашествия монголов подобрал Назар и воспитывал как родную дочь. Она подталкивала локтем Тургана и показывала глазами на Назара.

— Приведи кобылу! — строго приказал отец.

«Верно я догадался!» — торжествуя, подумал Турган. Он стремглав побежал в овраг, где паслась их старая лошадь, взобрался на ее костлявую спину и вернулся к юрте.

Назар обтер кобылу обрывком войлока, положил на тощий хребет старый чепрачок, старательно приладил связанное веревками расплзающееся седло, накрыл его сложенным вдвое войлоком. Кобыла подбирала заднюю ногу и оглядывалась, пытаясь укусить хозяина, когда Назар туго затягивал подпругой ее раздувшееся брюхо.

Жена Назара, Кыз-Тугмас, худая, со впалыми щеками, возилась около котла, изредка посматривая на мужа, не решаясь спросить, куда он собирается. «Старый задумал новую причуду», — подумала она, но перечить боялась. Только спешно замесила несколько горстей муки и стала печь лепешки.

— Куда наш собрался? — шепотом спросила Юлдуз у Тургана, когда старик вышел из юрты.

— Ясно куда — на войну! — уверенно ответил мальчик.

— Что ты говоришь? Какую войну? — воскликнула испуганно мать.

— Наши мальчики говорят, что скоро будет война. Смотри, смотри, что делает отец!

Назар, вернувшись в юрту, подошел к решетчатой стенке и снял старую, в кожаных ножнах, кривую саблю с узким ременным поясом. Он важно нацепил ее поверх шубы, завязал узлом концы ремня. Жена и дети, разинув рты, следили за каждым его движением.

Назар-Кяризек, тяжело ступая в заскорузлых сапогах, вышел из юрты, стараясь придать себе гордый, смелый вид. Перекинув повод на шею кобылы, он поднялся в седло и бросил косой взгляд на дверь юрты. Жена вернула в розовую тряпку горячие, дымящиеся лепешки. Юлдуз подбежала и протянула лепешки Назару. Заслонив рукой глаза от яркого солнца, она всматривалась в изборожденное морщинами лицо Назара, ожидая, что он скажет. Назар понимал, какие мысли волнуют его семью. Но разве можно при решении важного дела посвящать жену и детей в свои планы? Он торжественно спрятал за пазуху розовый узелок и важно сказал:

— Я отправляюсь к самому хану Баяндеру!

Он ударил каблуками костлявые бока лошади. Кобыла медленно поплелась по тропинке, уходившей в степь.

Турган подбежал к матери и сказал шепотом, точно отец мог еще слышать:

— Я пойду за татой к хану Баяндеру. Разве это далеко! Я раньше его добегу и скоро вернусь.

— Хорошенько присмотри за отцом!

Мать отвернулась и пошла в юрту. Сунув пучок сухой колючки в потухающий костер, она раздула огонь.

— Вот еще что выдумал! Ему ли, старому, ехать на войну! Он там свалится в первый овраг и назад не вернется. Кто тогда меня, вдову, пожалеет?.. Ну, чего медлишь, Турган? Беги за отцом да следи издали, чтобы он тебя не заметил. А то рассердится и побьет...

Турган подтянул шаровары и побежал в ту сторону, куда поехал отец.

ГЛАВА 10

ХАНСКАЯ ЩЕДРОСТЬ

Весть о задуманном монголами походе на Запад разлетелась по Кипчакской степи, как ураган, который среди тихого летнего дня вдруг пронесится по равнине, крутя

песчаные столбы, вырывая кусты и опрокидывая плохо прикрепленные юрты. Во все стороны помчались гонцы, передавая вести из одного кочевья в другое, сообщая о крупнейшем событии в мирной жизни кочевников. Ссылаются в поход все двенадцать колен великого кипчакского народа¹.

Назар-Кяризек миновал прибрежные тополя, за которыми поблескивала мутная после дождей река Сейхун. Перед ним развернулась широкая равнина. Во всех направлениях торопливо ехали всадники, мерно шагали вереницы двугорбых верблюдов, нагруженных решетками юрт, шестами, войлоками, мешками, котлами и другими прокопченными предметами кочевого обихода. Возле верблюдов шли женщины с детьми. Полуголые рабы подгоняли стада овец и коров. Было что-то необычное и тревожное во взбаламученной степи, обычно дремлющей в безмолвном величии.

Назар-Кяризек добрался наконец до становища одиннадцатой жены хана Баяндера. Старый кочевник удивился: здесь все было по-прежнему! Несмотря на всеобщее смятение, хан Баяндер оставался, как всегда, невозмутимым. В становище шли приготовления к соколиной охоте. Оседланные нарядные кони нетерпеливо взрывали копытами песок. Десять ловких юношей с соколами на перчатке левой руки стояли в ряд, ожидая у шатра выхода господина. Поджарые узкомордые собаки уже несколько раз начинали яростную грызню.

Назар слез с тощей кобылы, спутал ей передние ноги и стал степенно подниматься на вершину холма к ханским юртам.

¹ К и п ч а к и — большое племя тюркского корня, занимавшее огромную территорию от Аральского моря до Днепра. В русских древних источниках кипчаки именуются половцами. Европейские путешественники называли их куманами. Страну кипчаков восточные писатели называли Дешти Кипчак (Кипчакская степь), европейские — Куманией.

Хан Баяндер вышел из юрты. Лицо его лоснилось от обильного угощения. Он был в нарядном охотничьем костюме — желтом шелковом халате, засунутом в широкие замшевые шаровары, и верховых сапогах с загнутыми кверху носками. Поля белой поярковой шапки поднимались спереди и сзади опускались на шею. Толстый живот был туго затянут полосатой шалью, из-за которой виднелся индийский кинжал с резной ручкой из слоновой кости.

Властелин степей узнал старого Назара. Острым взглядом он окинул его согнутую покорную спину, долгополую козлиную шубу и кривую старую саблю. «Старик приехал о чем-то просить, — решил хан. — Иногда полезно приласкать простого кочевника, чтобы слава о щедрости хана Баяндера пронеслась по степи от костра к костру. Это особенно важно теперь, когда ханы собирают боевые отряды, чтобы двинуться в далекий поход...»

— Славен хан Баяндер! Без счета табуны коней у хана Баяндера! Да хранит Аллах благословенные стада хана Баяндера! — выкрикивал нараспев Назар-Кяризек и кланялся так низко, что сквозь облезлую шубу выступали его костлявые плечи.

Хан остановился и засунул руку за полосатый пояс.

— Здравствуй, дед Назар-Кяризек! Куда ты собрался с такой заржавленной саблей?

— Великая весть летит через Кипчакские степи...

— Что же ты услышал?

— Сейчас, мой хан, сейчас расскажу! Был я в Сыгнаке на базаре. Сидел в ашханэ (харчевне) в сторонке и потихоньку слушал, что важные люди говорят. Один купец в дорогом шелковом халате очень много знал из того, о чем мы, простые люди, и не догадываемся. Он поставляет монгольским ханам муку и часто беседует с ними. Слышал он от них, что в Сыгнак прискакали самые важ-

ные монгольские царевици, внуки «Великого Потрясателя вселенной» Чингисхана...

Назар остановился, желая узнать, какое впечатление произвела его новость. Хан стоял спокойно, с непроницаемым взглядом всемогущего и всезнающего человека. Сопровождавшие его джигиты насторожились и придвинулись на шаг.

— Это похоже на истину! — заметил хан Баяндер. — Что же еще говорили на базаре?

— Говорил этот купец, что за царевицами спешно идет войско монголов и татар, такое большое, что оно займет наши степи на десять дней пути.

— Слышал и я о приезде монгольских царевицей. А для чего они идут сюда? Земли наши ими покорены, подвластные народы не смеют и шевельнуться, — что еще им нужно? Не слышал ли ты об этом, Назар-Кяризек?

— Говорят, грозный каган Чингисхан завоевал половину вселенной, а его внуки хотят покорить вторую половину.

Баяндер покачал головой:

— Легкое ли это дело! Сколько народов живет во вселенной, а Чингисхана-то нет! Кто его заменит? У кого такая голова, как у Чингисхана? Кто поведет войско? Эй, джигиты, подайте мне коня!

— Постой, мой славный хан! — завопил испуганно Назар. — Взгляни на твоего старого конюха! Ты более могуч, чем все другие степные султаны! Прошу тебя, мой хан, не забудь и меня в походе! Я сорок лет верно служил тебе и днем и ночью, и в снег и в бурю, пока не состарился. Теперь на мое место встали пять моих сыновей, все пятеро молодец к молодцу! Они берегут и холят твоих коней и сберегли их до этого грозного дня, когда уже всюду слышатся боевые ураны¹ двенадцати колен великого

¹ У кипчаков каждое колено, каждый род, имело свой особый боевой клич, или уран. В бою, в драке, в толпе этим кличем члены одного рода сзывали друг друга.

кипчакского племени: «Уйбас, токтабаевцы! Дюйт, батыры дурутаевцы! Даукара, джерсайцы, опрокидывающие все на пути! Берите острые клинки, садитесь на коней, выступайте в поход!»

Хан Баяндер стоял еще более величественный, только левый глаз сощурился, и в нем мелькнула веселая искорка, когда он смотрел на кричавшего ураны старого Назара, который выхватил кривую саблю и размахивал ею над головой.

— Ты лихой воин, Назар, твои заслуги я помню! Что же ты хочешь?

— Мои пять сыновей готовы выступить под твоим славным бунчуком. Но на чем? Много коней они тебе вырастили, а своего коня у них нет! Ты недаром называешься ханом Баяндером¹. Дай каждому моему сыну коня с седлом. Пойдут они с тобой верными защитниками в бою, будут твоими верными стрелами — куда их пошлешь, туда полетят, что прикажешь — выполнят!

Хан Баяндер коснулся тремя пальцами острого конца своей бороды:

— Хорошо, мой верный конюх, Назар-Кяризек! Дам я коней твоим сыновьям, но о седле и уздечке пусть сами заботятся. Даром я ничего не даю. Если я своим джигитам раздам мои табуны, мне придется плестись по степи оборванным нищим. Пусть каждый из твоих пяти сыновей, вернувшись после похода, приведет мне взамен полученного другого молодого коня, покрытого ковром, и еще: пока твои сыновья будут добывать себе славу, пусть их жены соткут мне по бархатному ковру...

— Преславный хан, смилуйся! У меня нет шерсти для ковров.

— Ты получишь шерсть у моего управляющего. Если ты согласен, то твои сыновья могут взять себе по коню.

¹ Баяндер — щедрый.

Я зачислю всех пятерых в мою отборную тысячу джигитов.

— Да хранит тебя Аллах за твою щедрость, мой пресветлый хан! — воскликнул Назар и, сложив руки на животе, низко поклонился садившемуся на коня Баяндеру.

Назар, вздохнув, выпрямился, вложил обратно в ножны старую саблю и, покачивая головой, хмуро смотрел вслед уезжавшему со своей свитой хану. Потом перевел взгляд и заметил Тургана. Мальчик сидел на пятках, обняв руками колени. Его черные глаза зорко следили за выражением лица старика. Заметив на нем грусть, Турган вскочил и подбежал к Назару:

— Чем ты огорчен, тату? Я все слышал. Теперь кроме старой кобылы у нас будет еще пять хороших коней. А разве трудно их вернуть этому жадному хану? Пустое! Ведь братья едут на войну и пригонят целый табун собственных коней.

— Кто, кроме Аллаха, знает, что кони привезут с войны: славных багатуров или только их окровавленные мечи?

— Поезжай скорее за конями! Торопись, тату, пока хан не раздумал. Прикажи мне бежать за тобой! Можно?

Турган помог отцу сесть на кобылу, и оба направились по тропинке в ту сторону, где паслись полудикие тысячные табуны хана Баяндера.

ГЛАВА II

ПО СЛЕДАМ КОНЯ

Арапша вел Хаджи Рахима пустынной степью так уверенно, точно он уже не раз ходил по этим холмам и запутанным, едва заметным тропинкам. Иногда Арапша останавливался, всматривался в следы и подымался на бугры, оглядывая степь. Тогда усталый Хаджи Рахим ложился на песок и вздыхал. Наконец он взмолился:

— Куда ты ведешь меня? Долго ли еще идти?

— Мы идем по следам моего коня. Я знаю, где мы можем скрыться. Скорей вперед!

Тропинка вела на возвышенность, засыпанную щебнем. Арапша свернул в сторону, спустился в овраг и долго пробирался вдоль высохшего ручья. Он указал на холм:

— Мы подыдемся наверх и спрячемся за камнями. Оттуда можно наблюдать за степью.

Добравшись по обрывистому скату оврага до каменистой вершины, они припали за кустами репейника. Отсюда степь была видна далеко кругом.

— Посмотри на дорогу, — прошептал Арапша. — Это они!.. Что-то ищут!..

По степи ехали четыре монгольских всадника на небольших крепких коньках с длинными гривами. Передний, наклоняясь с седла, всматривался в землю и останавливался. Иногда он стегал коня, и монголы пускались вскачь. Вскоре они скрылись за холмами.

— Они идут по следам моего белого коня, моего Акчиана! Они надеются нагнать его. Я так и ожидал! Они могут вернуться... Мы должны уйти дальше, по этим острым камням, где не видно наших следов...

Путники пробирались оврагами, потом поднялись на равнину. Тропу пересекла широкая дорога. Пастухи, посвистывая, гнали по ней стадо баранов и коз.

— Здесь следы наши затеряются, — сказал Арапша. — Отсюда мы доберемся до какого-нибудь захудалого кочевья и там передохнем.

Тропинка привела к холму, с вершины которого открылся далекий вид на оживленную зеленую равнину. Здесь паслись многочисленные косяки коней. Медленно переходя по пастбищу, кони мирно щипали свежую траву. Верховые конюхи, размахивая длинными укрюками¹, охраняли кобылиц и жеребят.

¹ У к р ю к — длинный, тонкий шест с петлей от аркана на конце. Шест помогает набросить на коня петлю.